

Батров Р.

УЧЕНИЕ АБУ-ХАНИФЫ ОБ ИРДЖА И ПРОБЛЕМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО ДИАЛОГА

Имя Абу-Ханифы известно каждому, кто профессионально занимается или хотя бы просто интересуется исламом. Тем более оно известно в России, где большая часть мусульман исторически считаются приверженцами его школы. Однако несмотря на это и несмотря на то, что к Абу-Ханифе часто апеллируют как к главному символу традиционного ислама, у нас в стране делается катастрофически мало для изучения его идейного наследия.

Данное обстоятельство связано не только с тем, что учение Абу-Ханифы оказалось во многом невостребованным, хотя его имя и превратилось в разменную монету на рынке религиозной конъюнктуры, но отчасти и с тем, что сложность аутентичного реконструирования взглядов «величайшего предстателя» носит объективный характер. Дело в том, что как мыслитель Абу-Ханифа воспринимался в свое время весьма противоречивой фигурой и многие из его взглядов не во всем вписывались даже в рамки той традиции, которая впоследствии номинально возводилась к нему самому. Любопытной иллюстрацией к этому может служить средневековый труд, известный под названием «История Багдада». В 14 томах этого фундаментального исследования собрано около 8 тыс. биографий известных личностей мусульманского средневековья. Объем каждой статьи варьирует от нескольких строчек до – в редких случаях – нескольких страниц. Исключением можно считать статью об имаме аль-Бухари, составителе второй по значимости после Корана книги в исламе, чья биография изложена на 30 страницах. На фоне этого становится понятным, сколь неоднозначной фигурой для современников был Абу-Ханифа, если ему посвящено 130 страниц, половина из которых и даже чуть больше относится к критическим замечаниям в его адрес.

Одним из предметов критики стало учение Абу-Ханифы об ирджа, крайних последователей которого суннитское большинство считало отступившими от истины. Арабский термин ирджа имеет два значения: «откладывать» и «надеяться». Принцип ирджа касался так называемых «великогрешников», суждение об истинности веры которых следовало откладывать на Суд Бога, одновременно надеясь на Божье милосердие в отношении них. Иногда вместо слова ирджа

Абу-Ханифа использовал термин *вукуф*, т.е. «воздержание [от суждений]», в отношении того, о чем у нас нет достоверного знания.

Учение об ирджа было ответом мусульманской интеллигенции того времени на многочисленные гражданские войны, которые, как правило, велись под религиозными лозунгами. Любая политическая сила тех лет в борьбе за власть апеллировала к религиозным мотивам и в силу этого считала своих оппонентов в лучшем случае «нечестивыми», или, что опаснее всего, «неверными». Богословская концепция ирджа была направлена на нейтрализацию этой практики обвинения в неверии (такфира), которой в особенности пользовались представители весьма одиозного движения хариджитов, чьими наследниками в наши дни принято считать пресловутых ваххабитов. Признать человека «неверным» для той эпохи по сути означало поставить человека вне закона, лишить его права на неприкосновенность, что в результате приводило к пролитию крови.

Абу-Ханифа вошел в историю мусульманской мысли как величайший правовед. Однако историческая интрига заключается в том, что он не оставил ни одного труда по праву. Но нам известны несколько трактатов, возводимых к нему, которые посвящены вопросам теоретического богословия, в первую очередь, концепции ирджа. Абу-Ханифа был последователем этого учения по той же причине, что и другие интеллектуалы того времени: он стремился остановить то безумное кровопролитие, которое творилось у него на глазах. Имам побывал в водовороте двух крупных шиитских восстаний, был свидетелем беспощадного низвержения омейядской династии, прошел через кровавое горнило хариджитской войны, оказавшись даже заложником в осаж-

денном хариджитами родном городе. Все это не могло не наложить отпечаток на его мировоззрение и делало его последовательным сторонником мира, на службе которого и стояло учение об ирджа. «Клянусь Богом, я не знаю более великого греха среди людей киблы, чем грех братоубийства» - писал он¹.

Для того, чтобы с богословской точки зрения обосновать концепцию ирджа и показать несостоятельность обвинения в неверии «великогрешников» – а таковым, если мы речь ведем о хариджитах, считался любой оппонент – Абу-Ханифа настойчиво проводил четкую грань между такими понятиями, как «вера» и «деяние». И в силу этого факт греха как таковой не мог считаться основанием для признания человека неверующим, что в свою очередь по законам того времени гарантировало человеку его неприкосновенность.

Предание гласит, что Абу-Ханифа запрещал сомневаться в истинности вере даже пьяницы, «который напиивался до хрипоты и умер от этого», и женщины-самоубийцы, «которая понесла от блуда и стубила свою душу, дабы это не было предано огласке»². В других историях рассказывается, что Абу-Ханифа не выносил поспешных выводов и о неверии человека, чьи утверждения были несовместимы с общеизвестными истинами ислама. «Что Вы скажете о том, - как-то спросили имама – кто говорит, что не надеется на рай и не боится ада, вкушает мертвечину, <...> не страшится Аллаха, молится без поясных и земных поклонов?». «Это истинный угодник Божий – отвечал имам – ибо он «не надеется на рай и не боится ада», т.к. он надеется на Господа рая и боится Господа ада. Он «не страшится Аллаха», т.к. он не страшится того, что Аллах будет в отношении него несправедлив и вероломен <...>. Его слова о том, что он

вкушает мертвечину означают, что он употребляет рыбу. Его слова о том, что он молится без поясных и земных поклонов означают, что он много молится за Пророка и часто участвует в похоронных обрядах»³. Более того, даже если человек сам себя назовет неверующим, это еще не означает, что так оно и есть на самом деле. «Ведь если он скажет, что он осел, – говорил по этому поводу Абу-Ханифа – то я не должен считать, что он прав»⁴.

При этом Абу-Ханифа не отрицал взаимосвязи между верой и деянием. «По мне для малогрешника, – учил он, – надежд [на спасение] больше, чем для великогрешника. И сопоставить это можно с двумя мужами. Один из них оказался в море, другой – в маленькой речке. За обоих я боюсь, как бы не утонули; надеюсь, что оба они спасутся <...> соразмерно их деяниям»⁵. Указать на признание Абу-Ханифой подобной взаимосвязи важно, чтобы во-первых, отличать его от крайних мурджиитов, считавших, что греховное деяние никак не вредит человеку, и потому отвергнутых большинством мусульман, и, во-вторых, чтобы подчеркнуть: Абу-Ханифа – этот поистине великий подвижник благочестия – не оправдывал грех, а лишь считал, что на его основании нельзя обвинять человека в неверии, ибо подобное допущение в конечном итоге порождает нескончаемую лавину взаимных нападок, ведущих к кровопролитию.

Итак, последовательный призыв

Абу-Ханифы отказаться от суждений о внутреннем мире человека, истинности его веры и оставлять подобные вопросы на Суд Всевышнего был нацелен на гармонизацию отношений внутри мусульманской общины. К сожалению, концепция ирджа в наши дни не получила широкого применения. Можно сказать больше: она предана забвению даже теми, кто любит именовать себя последователем Абу-Ханифы. И в этом плане еще многое предстоит сделать, иначе заверения о приверженности традиционному учению Абу-Ханифы так и останутся пустыми словами, усердно тиражируемыми на фоне всеобщей антитеррористической истерии.

Однако современные мусульманские богословы могут шагнуть и дальше, если найдут применение концепции ирджа не только для того, чтобы выкорчевать из мусульманской жизни практику такфира, но и при выстраивании отношений с представителями других конфессий. По сути, ирджа – это мусульманская альтернатива порожденной Западом идеи межконфессионального диалога. Преимущество концепции ирджа в сравнении с идеями межконфессионального диалога состоит в том, что она не предусматривает пересмотр и ревизию своего вероучения и позволяет сохранить мусульманам свою религию в первоначальном виде без каких-либо экуменистических мутаций, живя при этом в мире с приверженцами иных религий и учений.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. Абу-Ханифа. *Письмо Усману аль-Батти* // Батыр Р. *Абу-Ханифа: жизнь и наследие*. - Ч.1. - Н. Новгород – Ярославль. - С. 218.
2. Абу-Захра Мухаммад. *Абу-Ханифа: хайатаху ва асраху, арааху ва фикхуху*. - Каир, 1997. - С.24.
3. Ас-Саймари Хусейн б. Али. *Ахбар Аби-Ханифа ва асхабихи*. – Хадарабад, 1974. - С.26.
4. Абу-Ханифа. *Учитель и ученик* // Батыр Р. *Абу-Ханифа: жизнь и наследие*. - Ч.1. - Н. Новгород – Ярославль. - С. 209.
5. Там же. - С. 198 – 199.